

Научная статья
УДК 504.06(091)(571.1)
doi: 10.34822/2312-377X-2022-4-76-85

МОДЕЛИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ СЕВЕРО-ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: ПРЕОБРАЗУЮЩАЯ СИЛА НЕФТИ

Евгений Ильич Гололобов

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия
gololobov.eig@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4512-2461>

Аннотация. Цель статьи заключается в определении роли нефти как природного ресурса и преобразователя моделей природопользования в северо-таежной зоне Западной Сибири во второй половине XX в. Северная тайга Западной Сибири – это регион, который в XX в. в беспрецедентно короткие по историческим меркам сроки прошел путь от промыслово-сельскохозяйственного освоения территории до сплошного промышленного освоения природно-географического пространства. Актуальность статьи обусловлена необходимостью осмысления этого исторического опыта государственного природопользования в северо-таежной зоне Западной Сибири.

Освоение Советского Севера происходило «сверху», основными акторами этого процесса были государственные структуры: центральные министерства и ведомства, территориальные органы советской и партийной власти. Их «голос» в освоении региона был самым сильным и заглушал все остальные. В статье представлен анализ такого сверхцентрализованного государственного подхода. Это определило корпус основных источников исследования: фонд Совета Министров РСФСР, региональных и местных органов советской власти и комитетов КПСС.

В основе освоения Севера СССР лежал индустриальный стандарт. В 1920–1950-е гг. реализовать индустриальный стандарт освоения Севера с опорой на использование биологических ресурсов, где главный создатель материальных благ – коренной житель Севера, не удалось. Нужна была опора на ресурсы с более мощным преобразовательным, модернизационным потенциалом. Таким ресурсом стали углеводороды: нефть и газ.

С 1960-х гг. модель природопользования на Севере была переориентирована на добычу полезных ископаемых. Высокая рыночная конъюнктура и большой экспортный потенциал нефти позволяли решать не только экономические, но и идеологические задачи. Это привело к грандиозным экономическим результатам и к не менее серьезным социальным и экологическим проблемам. Этот исторический опыт советского освоения северо-таежной зоны Западной Сибири необходимо учитывать при дальнейшем развитии региона и освоении его природных ресурсов.

Ключевые слова: индустриальное освоение Севера СССР, экологическая история Севера, взаимодействие человека и природы

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20115, <http://rscf.ru/project/22-28-20115/> «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем севера Западной Сибири в 1917–1991».

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Гололобов Е. И. Модели природопользования северо-таежной зоны Западной Сибири во второй половине XX в.: преобразующая сила нефти // *Северный регион: наука, образование, культура*. 2022. № 4. С. 76–85. DOI 10.34822/2312-377X-2022-4-76-85.

Original article

NATURAL RESOURCE MANAGEMENT PATTERNS IN THE NORTH-TAIGA ZONE OF WEST SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY: THE TRANSFORMATIVE POWER OF OIL

Evgeny I. Gololobov

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

egololobov@surgpu.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4512-2461>

Abstract. The purpose of the article is to define the role of oil as a natural resource and a transformer of nature management patterns in the north-taiga zone of West Siberia in the second half of the 20th century. The Northern Taiga of West Siberia is a region, which in the 20th century went a long way from the commercial and agricultural development of the territory to the continuous industrial development of the natural and geographical space within an unprecedentedly short time by historical standards. The relevance of the article is due to the need to comprehend the historical experience of the state nature management in the north-taiga zone of West Siberia.

The development of the Soviet North occurred from the top down, such state structures as central ministries and departments, territorial bodies of the Soviet and party power were the main actors in this process. Their opinion in the development of the region was the most important. The article presents an analysis of such over-centralized state approach. It determined the main sources of the research: the fund of the Council of Ministers of the RSFSR, regional and local bodies of the Soviet power and the CPSU committees.

The development of the USSR North was based on the industrial standard. In the 1920s–1950s the industrial standard of the development of the North, relying on the use of biological resources with the native population of the North being the main creator of the material benefits could not be implemented. There was a need to rely on resources with a more powerful transformation and modernization potential. Such resources were hydrocarbons: oil and gas.

Since the 1960s, the pattern of natural resource management in the North has been reoriented towards the extraction of minerals. Active market conditions and a large export potential of oil allowed solving not only economic but also ideological problems. This led to tremendous economic results and equally serious social and environmental problems. Such historical experience of the Soviet development of the north-taiga zone of West Siberia should be taken into account in further development of the region and its natural resources.

Keywords: industrial development of the USSR North, environmental history of the North, interaction of man and nature

Funded by: The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-20115, <http://rscf.ru/project/22-28-20115/> “Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v protsesse osmysleniia i resheniia ekologicheskikh problem severa Zapadnoi Sibiri v 1917–1991” / “The Soviet State and Society in Gaining a Better Understanding and Solving Environmental Problems of the North of West Siberia in 1917–1991”.

Code: 5.6.1. Russian History.

For citation: Gololobov E. I. *Natural Resource Management Patterns in the North-Taiga Zone of West Siberia in the Second Half of the 20th Century: the Transformative Power of Oil* // *Severny region: nauka, obrazovanie, cultura*. 2022. No. 4. P. 76–85. DOI 10.34822/2312-377X-2022-4-76-85.

ВВЕДЕНИЕ

Модели встраивания Севера Сибири в социально-экономическое пространство СССР определялись осознанием и необходимостью освоения богатых природных ресурсов региона с опорой на научное знание. Представители новой советской власти были сторонниками прогресса, верили в преобразующую

силу науки в деле развития общества и перестройки природы [1]. Поэтому модель природопользования на Севере опиралась на индустриальный стандарт освоения территории [2]. Индустриальный стандарт освоения территории подразумевает рациональный контроль не только над обществом, но и над природой, осуществление научной револю-

ции, расширение прикладных научных исследований, развитие промышленности (индустрии), товарного сельского хозяйства, процессов урбанизации.

С этих позиций Север Западной Сибири для Советского государства был слабо развитым, не освоенным регионом. В целом Север очень часто характеризовали цитатой В. И. Ленина как территорию, где до Октябрьской революции 1917 г. царили «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость» [3, с. 228]. Чтобы преодолеть «культурную отсталость», «дикость» этих территорий, их надо было преобразовать, развить промышленность, товарное сельское хозяйство, инфраструктуру и коммуникации. Тенденции освоения Севера в XX в. и использования его ресурсов были характерны не только для СССР. В Европе и Северной Америке также пришли к выводу, что Север необходимо колонизировать, освоить, привнести в жизнь местных народов «цивилизацию». Здесь интересы антагонистических социально-экономических систем – социализма и капитализма – совпадали. Добыча биологических ресурсов, затем полезных ископаемых становилась основной задачей освоения северных территорий. Таково было стремление властей всех северных государств: СССР, Канады, США [4–7]. Цель статьи показать роль нефти как основного драйвера изменения модели природопользования в таежной зоне на Севере Западной Сибири во второй половине XX в..

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Освоение Советского Севера происходило «сверху», основными акторами этого процесса были государственные структуры: центральные министерства и ведомства, территориальные органы советской и партийной власти. Их «голос» в освоении региона был самым сильным и заглушал все остальные. В статье представлен анализ такого сверхцентрализованного государственного подхода. Это определило корпус основных источников исследования: фонд Совета Министров РСФСР [8], региональных и местных органов советской власти и комитетов КПСС [9–12].

Для реализации индустриального стандарта хозяйственного освоения северо-таежной зоны Западной Сибири необходимо было изменить природу, преобразовать ее, осуществить переход от природы к окружающей среде. В отличие от природы, не нуждающейся в людях, окружающая среда существует только там и тогда, где и когда существуют люди. Эта граница между природой и окружающей средой концептуальна и исторически обусловлена. Сама окружающая среда как продукт деятельности человека, его труда, становится исторической категорией [13]. Наступление человека на природу на севере Сибири – это процесс расширения территории окружающей среды и сокращения пространства природы, которое и стало содержанием внутренней колонизации Сибирского Севера в XX в. Наиболее ярко этот процесс развивался на севере Западной Сибири, точнее, в ее северо-таежной зоне.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Советское руководство стремилось поставить все природные ресурсы страны под полный рациональный контроль. Это в полной мере соответствовало идеологическим взглядам коммунистической партии. Советская власть видела себя силой, способной создать нового человека и на его основе – новое справедливое общество. Общество, способное познавать и покорять природу, переделывать мир, с тем, чтобы он стал более справедливым, и в конечном итоге более совершенным. В деле освоения Севера советская власть первоначально решила опереться на коренные народы, его населяющие. Очень образно и ярко о важности коренных северян для развития региона писал русский орнитолог, путешественник и охотовед С. А. Бутурлин: «...Мир существует не для хранителей музеев, ...живые, способные, симпатичные племена севера имеют иные исторические задачи, кроме облегчения этнографического преподавания. ...Их физические и психические свойства, воспитание в условиях севера, весь их быт, совершенно приспособленный к полярной жизни, – драгоценны и необходимы для всякой работы на севере, для всякого ис-

пользования северных богатств. Эти народы сами – лучшее богатство севера, имеющее совершенно практическую, реальную ценность для государства» [14, с. 57].

Однако человек был важен не просто как природопользователь, способный хозяйствовать в суровых северных условиях. Своей экономической деятельностью, осваивая природу, он должен был продвигать политические и экономические идеалы новой власти. Для этого нужно было преобразовать жизнь коренных народов севера. А для этого, в свою очередь, надо было изменить их хозяйство, экономику. Традиционные формы хозяйствования на Севере рассматривались государством и научным сообществом как экстенсивные, следовательно – как нерациональные, отсталые. Промысловые хозяйства северян планировалось переводить на интенсивные формы экономической деятельности, местное кочевое и полукочевое коренное население – на оседлость.

Традиционные отрасли хозяйства: охота, рыболовство, оленеводство, даже при условии их интенсификации, этого сделать не могли. По сути своей эти отрасли были тесно вплетены в природные циклы. Индустриальный стандарт требовал оседлости, развития товарного сельского хозяйства, в первую очередь, земледелия. Развитие земледелия сопровождало общим мероприятиям советской власти по промышленному освоению и росту культуры районов Крайнего Севера. Насаждая земледелие на севере, несмотря на активное стремление радикально преобразовать природу, советская власть с этой задачей не справилась. Мобилизационных усилий государства не хватило, чтобы кардинально изменить ситуацию. Не было необходимых технологических возможностей, человеческих, материальных и финансовых ресурсов, чтобы решить такую масштабную задачу. Как только проще стало завозить продовольствие из более южных регионов, зерновое сельское хозяйство перестало быть приоритетом в экономике Севера. Нужна была опора на ресурсы с более мощным преобразовательным, модернизационным потенциалом.

Таким ресурсом стали углеводороды: нефть и газ. Нефть обладала необходимой

преобразующей, цивилизационной силой: «...Целые страны нефть выводила из девственного состояния хозяйства и неизвестности в разряд крупных индустриальных регионов либо в оазисы интенсивного промышленного развития» [15, с. 54]. С середины XX в. минеральные и энергетические ресурсы Севера стали играть ключевую роль в экономике страны. Они нужны были быстро – здесь и сейчас. Появились и новые технологические возможности для освоения нефтегазовых ресурсов в сложных природно-климатических условиях.

«Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс (ЗСНГК) стал крупнейшим промышленным центром на севере. В течение 20 лет (1966–1985 гг.) в ЗСНГК только на развитие объектов производственного назначения было вложено 75,2 млрд руб.» [16, с. 155]. Академик А. А. Трофимук писал, что «для экономики СССР открытие Западно-Сибирской нефтегазовой провинции означало превращение некогда “пустынной” территории в высокоиндустриальную базу народного хозяйства СССР. Открытие западносибирской нефти рассматривалось не только с чисто экономических позиций. Это было одним из важнейших условий успешного экономического соревнования стран социализма со странами капитализма, что придавало региону международное значение» [17, с. 37].

Север Западной Сибири, особенно его таежная зона, в государственных «героических нарративах» об освоении региона стремительно преобразовывается из «дикой» в «культурную» территорию, соответствующую индустриальным стандартам. Для региона началась эпоха антропоцена. По своей сути советские практики природопользования и производства знания были детерминированы антропоценом, хотя сами советские политики, производственники и ученые не использовали данную категорию.

Нефтяники и газовики 1960–1970-х гг. в государственной логике движения на север стали первопроходцами индустриального освоения Севера Западной Сибири. Как казаки и государевы служилые люди в конце XVI–XVII вв. открыли Север Азии для европейского мира, так нефтяники XX в. стали

первооткрывателями колоссальных запасов нефти и газа мирового значения, которые смогли преобразовать сельскохозяйственно-промысловую территорию Севера Западной Сибири в индустриальную и урбанизированную. Негативные экологические последствия этого процесса в «героический нарратив» освоения не вписывались, поэтому умалчивались, оставаясь в научных отчетах, делопроизводственных документах, имевших ограниченный доступ, и исследовательских публикациях в профессиональных изданиях, предназначенных для узкого круга специалистов.

Индустриальный стандарт освоения требовал индустриального человека. Слабая заселенность Севера Западной Сибири преодолевалась за счет широкомасштабной миграции трудоспособного населения из старых обжитых регионов СССР. Изменение приоритетов в модели освоения природных богатств Севера с биологических ресурсов на добычу полезных ископаемых в промышленных масштабах в 1960–1980-е гг., да еще стремительными темпами, исключили коренные малочисленные народы из субъектов хозяйственного освоения региона. Нужен был природопользователь, обладающий индустриальными навыками, способный в системе «человек-природа» отодвинуть природу на второе, подчиненное место.

Акцент на индустрию и научно-техническое освоение природных богатств региона в промышленном масштабе привел к появлению и перемещению в символическом и географическом пространстве новой границы между природой и окружающей средой на Севере Западной Сибири. Регион из пространства малоосвоенного («недоосвоенного»), где природа в качестве базовой, доминантной характеристики образа западно-сибирского севера безусловно преобладала, стал промышленно развитой территорией окружающей среды. Регион стал соответствовать индустриальному стандарту.

Таким образом, модель природопользования на Севере во второй половине XX в. была переориентирована на добычу полезных ископаемых: нефти и газа. Они обладали

нужным сочетанием экономических и идеологических качеств. Высокая рыночная конъюнктура и большой экспортный потенциал позволяли решать не только экономические, но и идеологические задачи. Власти активно включали коренные народы Севера в «цивилизованную» жизнь. Система школьного и профессионального образования, государственное обеспечение, переход на оседлость, жизнь в специально построенных поселках вместо традиционных жилищ отдаляла коренных жителей Севера, особенно молодежь, от природы. Они стремительно теряли навыки жизни в тайге, но при этом плохо вписывались в стандарты «цивилизованной» социальной и экономической жизни. Основным производителем материальных благ стало пришлое население, имеющее необходимые профессиональные и социальные навыки для воплощения индустриального стандарта в жизнь. Коренные народы Севера оказались на «обочине» социально-экономического развития. «Природа» стремительно уходила из их внутреннего мира, становясь чем-то внешним – окружающей средой.

Выбранная модель природопользования, наряду с модернизационным, преобразовательным потенциалом покорения природы, несла в себе существенные риски. Такое стремительное экономическое развитие отразилось не только на коренных жителях Севера, но и на природе региона. Интенсивность освоения средне- и северотаежной зоны была подобна взрыву: за короткие отрезки времени в новых, совершенно не обжитых местах, скапливалось большое количество людей и техники. «В городах Сургут, Нефтеюганск, Урай, рабочих поселках Игрим, Мегион всего за три года (1964–1966 гг.) оборот населения превысил его среднегодовую численность в 1,5–2 раза» [18, с. 34]. Природа подверглась мощнейшему антропогенному воздействию.

Одной из главных экологических проблем региона была высокая аварийность на предприятиях нефтегазового комплекса, сопровождавшаяся выбросами в окружающую среду нефти и нефтепродуктов. «В 1980-е гг. ежегодно фиксировалось 150–260 аварий» [19, с. 118]. Серьезной проблемой было загрязне-

ние водоемов. Территория Севера Западной Сибири имеет большое значение в качестве глобального резервата пресных вод. Ее по праву можно назвать «землей воды» [20, с. 12].

С ростом и развитием нефтедобывающей промышленности в северотаежной зоне Западной Сибири увеличился сброс сточных вод в реки региона. К этим негативным факторам добавилось то, что в результате гидростроительства на Оби и Иртыше были отрезаны лучшие нерестилища. Это резко ухудшило условия воспроизводства рыб. Вылов рыбы на Севере Западной Сибири стал резко сокращаться с конца 1960-х гг. Потери рыбного хозяйства составляли десятки тысяч центнеров ценной рыбы. «К середине 1970-х гг. 64 реки региона потеряли свое рыбохозяйственное значение. Были выведены из строя рыбоугодья на реках Пим, Большой и Малый Балык, Аган и др. В качестве наглядного примера складывавшейся катастрофической ситуации с малыми реками можно привести Ватинский Еган. В 1973 г. в реке выловили 522 центнеров рыбы, в 1975 г. – лишь 23 центнера» [20, с. 12].

Негативное воздействие нефтегазодобывающей отрасли испытывало и охотничье хозяйство. Стремительный рост нефтедобычи привел к возникновению городов, строительству и функционированию трубопроводов, строительству транспортной инфраструктуры. Все это коренным образом повлияло на охотничий промысел. Например, Сургутский коопзверопромхоз в своих документах отмечал, что организация охотничьего промысла все больше осложняется. Нефтегазопромысловый комплекс занимал территории, где находились лучшие охотничьи угодья. Сокращались площади угодий, снижалась ценность наиболее продуктивных из них в районах рек Большой Юган и Малый Юган. Большой ущерб штатным охотникам наносила незаконная деятельность нефтяников и геологов в охотничьих угодьях. Например, «в верховьях реки Большой Юган на участке одного из лучших охотников В. И. Крутикова буровики, дорожники занимались браконьерством с использованием вездеходов, сворачивали собаку, лыжи-подволоки, продукты питания из избушки. Работы в этом районе вело производственное объединение Томскнеф-

тегазгеология, генеральный директор Г. Н. Шестаков» [20, с. 4]. И это был не единичный случай.

Во второй половине XX в. урбанизационные процессы на Севере Западной Сибири, тесно связанные с активным индустриальным освоением региона, резко возросли и стали мощным экологическим фактором, сопровождающимся преобразованием ландшафта, земельных и водных ресурсов, массовым производством отходов, поступающих в атмосферу и гидросферу. Помимо чисто хозяйственных и управленческих сложностей, это порождало массу экологических проблем. «В 1968 году, например, поселок геологов находился в антисанитарном состоянии. Канализация не работала, а временных очистных сооружений не было, это часто приводило к вспышке желудочно-кишечных заболеваний в весенний период. В зимнее время нечистоты заносило снегом, а при таянии снега разносилось зловоние, начинались инфекционные заболевания. Улицы в поселках были захламлены строительным мусором. Проблемы городского хозяйства неоднократно рассматривались Сургутским городским советом депутатов трудящихся. Вопрос о неудовлетворительном санитарном состоянии рабочих поселков регулярно поднимался городскими властями» [цит. по 21, с.109].

Такая ситуация была характерна для многих городов ХМАО. «В городской черте Ханты-Мансийска буквально в ста метрах от районной больницы строительным управлением № 20 разрабатывался карьер без всякого проекта и сметы. Карьером была обезображена зеленая зона. В районе поселка Горный таким же образом разрабатывался карьер строителями аэропорта г. Ханты-Мансийска. Такие случаи были не единичны в Сургутском и Нижневартовском районах» [22, л. 1110].

Объем сбрасываемых в водоемы региона нефтепродуктов, неочищенных бытовых и промышленных сточных вод, принял угрожающие размеры. «В начале 1970-х гг. всего в сутки по Ханты-Мансийскому округу сбрасывалось сточных вод 97 тыс. м³, из них проходило очистку только 15 тыс. м³. Кроме того, частыми были случаи сброса нефтепродуктов при авариях нефтепроводов, дренажных вод с большим содержанием нефте-

продуктов, подсланевых вод и отработанных масел с судов, нефтепродуктов с не обвалованных нефтебаз и при выгрузке горючесмазочных материалов открытым способом» [22, л. 1110]. Несмотря на создавшееся сложное положение с загрязнением водоемов, промышленные предприятия, колхозы и совхозы не уделяли особого внимания строительству очистных сооружений и других приспособлений, исключающих загрязнение водоемов.

К началу 1970-х гг. не имели очистных сооружений города Нефтеюганск и Нижневартовск, поселки Мегион и Пойковский. Такая ситуация складывалась не потому, что средств на природоохранные мероприятия выделялось мало. Их выделялось достаточно, но руководители управлений по добыче нефти и газа (НГДУ) и строительных организаций не считали эти объекты важными. Они всегда были второстепенными по сравнению с необходимостью ускоренного строительства промышленной инфраструктуры, поэтому средства, выделенные на очистные сооружения, из года в год не осваивались.

Помимо нефтяников, немалый ущерб водоемам округа наносили Березовский и Сургутский рыбокомбинаты, рыбоучастки, где не было особой заботы о строительстве очистных сооружений, и в реки сбрасывалось огромное количество загрязненных вод. «Совершенно не имели очистных сооружений предприятия молочной промышленности. Сброс отходов и сточных вод на маслозаводах, сливочных отделениях был системой» [22, л. 35].

Колхозы и совхозы также вносили свою весомую лепту в загрязнение водных ресур-

сов Севера Западной Сибири. Вследствие несвоевременной утилизации навоза, особенно на пойменных фермах, они были серьезными загрязнителями водоемов. Бичом для больших и малых рек Севера Западной Сибири стали мелкие нефтебазы колхозов, совхозов и некрупных предприятий. Эти нефтебазы, за малым исключением, были не обвалованы, не огорожены и не оборудованы закрытыми приспособлениями для слива и отпуска горючего. При таком их состоянии слив нефтепродуктов в водоемы был, к сожалению, обыденным делом.

В округе широко использовались подземные воды, однако при бурении и эксплуатации скважин зачастую нарушались элементарные правила. «Много скважин бурилось без разрешения Главтюменьгеологии. Особенно этим злоупотребляли буровые предприятия «Запсибурнефть», «Союзтюменьводстрой» и «Союзбургаз»» [22, л. 35].

В 1970–1980-е гг. Центральное статистическое управление РСФСР стало собирать информацию о ходе выполнения мероприятий по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов [23]. По этим данным, состояние природных систем Севера Сибири и, в частности, Севера Западной Сибири в 1970–1980-е гг. выглядело следующим образом. По сравнению с первой половиной 1970-х гг. на территории Сибири и Дальнего Востока увеличился удельный вес выпусков сточных вод, не имеющих очистки, в общем числе выпусков. В этих районах доля выпусков, не оснащенных очисткой, была значительно выше, чем в Европейской части РСФСР (табл.).

Таблица

Загрязнение водных ресурсов в РСФСР в 1975–1978 гг.

	Число выпусков сточных вод без очистки		В % к общему числу выпусков сточных вод	
	1975	1978	1975	1978
РСФСР	10 234	9 500	48	45
Европейская часть (включая Урал)	7 227	5 369	44	36
Восточные районы	3 007	4 131	59	64
Западная Сибирь	969	1 268	57	64
Восточная Сибирь	838	950	65	69
Дальний Восток	1 200	1 913	57	63

Примечание: составлено по [24, л. 3].

В районах Севера РСФСР в 1970–1980-е гг. ситуация с рациональным использованием и охраной водных ресурсов стояла очень остро. «Северные территории РСФСР занимали 55 % территории РСФСР. На них проживало 8 % населения. Водные ресурсы региона составляли 80 % от общероссийских, потребление чистой воды – около 7 %. Примерно такой же объем неочищенных загрязненных стоков в 1970–1980-е гг. сбрасывался в водные объекты. В 1980-е гг. очищалось около 35–40 % образующихся в регионе загрязненных стоков. К наиболее загрязненным водным объектам относились и районы Обь-Иртышского бассейна» [25, л. 7].

Обь-Иртышский бассейн, значительная часть которого относится к районам Севера, представляет собой ключевое звено в системе региональных природных связей. В ходе развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960–1980-е гг. водные ресурсы бассейна подвергались значительным и разнообразным неблагоприятным воздействиям. «По официальным данным общий выброс хозяйственных отходов в бассейн составлял порядка 27,3 млн куб. м в сутки, в том числе в пределах Тюменской области, частью которой был Север Западной Сибири – свыше 6 млн. На границах Тюменской области с Омской и Томской постоянное загрязнение вод Иртыша и Оби составляло не менее двух ПДК; при слиянии этих рек в пределах ХМАО уровень загрязнения повышался до четырех ПДК, а в низовьях Оби – в пределах ЯНАО, на протяжении ряда лет (1970-е гг.) достигал 18 ПДК. При этом разовые загрязнения, в результате аварийных сбросов и элементарной бесхозяйственности, достигали на отдельных участках северного бассейна 1000 и более ПДК» [26, л. 24].

Неблагоприятные последствия загрязнения, помимо больших потерь ценных для экономики страны и региона ресурсов, приводили к ухудшению экологической ситуации в целом. Можно отметить факты устойчивого накопления нефтепродуктов в донном иле, снижения экологического качества водной среды, разрушения водоохранной растительности, естественных стоков, тех-

нических шумов, вибрации и пр. Все это сказывалось на состоянии уникальных рыбных ресурсов бассейна и условиях рыболовства, оказывало отрицательное вторичное воздействие на хозяйственное освоение региона (например, изменение условий судоходства) и в некоторых случаях становилось опасным для здоровья человека.

Наряду с водными ресурсами, мощному антропогенному воздействию подвергались почвы. В связи с интенсивной добычей нефти и газа в рассматриваемый период на Севере Западной Сибири быстрыми темпами шло строительство различных промышленных объектов и жилья. Землеустроительные службы не успевали должным образом выводить земли из сельскохозяйственного оборота и передавать их под промышленные объекты и жилье. Очень часто земли просто захватывались явочным порядком и на них осуществлялось строительство, как правило, без соответствующей проектно-сметной документации. Нарушения были массовыми. Так делали «Сургутские электрические сети, НГДУ «Сургутнефть», Нефтепроводное управление, НГДУ «Правдинскнефть» и многие, многие другие. Это, в свою очередь, приводило к негативным экологическим последствиям. «Нефтедобывающие предприятия не выполняли планы по рекультивации земель» [26, л. 27–28; 27, л. 142].

Негативное влияние нефтедобычи испытывали на себе леса Севера Западной Сибири. «Их вырубали до 50 различных организаций. А убирать срубленный лес, как правило, было некому. Использовался он в незначительных количествах на строительстве лежневых дорог, временных производственных сооружений, на местные нужды буровиков и строителей. Остальная древесина либо сжигалась, либо оставалась лежать вокруг объектов строительства» [20, с. 13]. Технологические схемы разработки самих месторождений нефти и газа часто осуществлялись без применения современных (доступных в рассматриваемый период) методов. Во многих случаях коэффициент извлечения по схемам разработки не превышал 50 %, то есть половина разведенной нефти оставалась в недрах. Ярким

примером нерационального использования ценных ресурсов было отношение нефтяников к использованию попутного газа. Значительная его часть просто сжигалась в факелах [28].

Расширение территорий промышленного освоения, развитие транспортной и энергетической сети, строительство линий газо- и нефтепроводов приводило ко все большему, часто необратимому, загрязнению природных экологических систем и, соответственно, к сокращению территорий традиционного природопользования. Это обстоятельство непосредственно затрагивало жизненные интересы коренных народов Севера Западной Сибири. Коренной житель Севера как природопользователь, по большому счету, не был нужен индустриальной экономике, основанной на добыче полезных ископаемых. Он этой экономике мешал. Такая ситуация складывалась по всему Советскому Северу [29].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Модели встраивания Севера Западной Сибири в социально-экономическое пространство СССР опирались на устойчивые представления о безграничных природных ресурсах региона и необходимости их рационального использования. В их основе лежал индустриальный стан-

дарт, опиравшийся на главный моноресурс. Он был основой экономики и социальной жизни на Севере. Земледелие этим ресурсом стать не смогло, им стала нефтедобывающая промышленность. Это привело к грандиозным экономическим результатам и к не менее серьезным социальным и экологическим проблемам.

В советский период на освоение Севера Западной Сибири было потрачено значительное количество сил и средств, во многом за счет интенсивной эксплуатации природных ресурсов и минимизации материальных и финансовых затрат на научное изучение и охрану природы, без должного внимания к голосу научного сообщества и граждан в целом. Модель природопользования должна включать человека не только как сугубо экономическую единицу, производящую материальные блага, но и как природопользователя, для которого «природа» не только что-то внешнее по отношению к человеку, но и значительная часть его самого. Современный подход к освоению и использованию ресурсов Русского Севера должен учитывать региональную специфику разных территорий и давать возможность обществу, профессиональным сообществам влиять на принятие решений в этой сфере.

Список источников

1. Вайнер Д. Экология в Советской России: Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М. : Прогресс, 1991. 396 с.
2. Гололобов Е. И. Сибирский Север: динамика образа – от barren grounds к northern plain // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 1. С. 137–152.
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма – ленинизма при ЦК КПСС. М. : Госполитиздат. 1963. Т. 43. 561 с.
4. Josephson P., Dronin N., Mnatsakanian R. et al. An Environmental History of Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. 340 p.
5. Bruno A. The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 288 p.
6. Petrov Andrey N. Re-Tracing Development Paths: Exploring the Origins and Nature of the 20th Century's Northern Development Paradigms in Russia and Canada / Arctic Yearbook. 2018. P. 1–14.
7. Bathsheba Demuth B. Floating Coast: An Environmental History of the Bering Strait. New York : Norton, 2019. 416 p.

References

1. Vainer D. Ekologiya v Sovetskoi Rossii: Arkhipelag svobody: zapovedniki i okhrana prirody. Moscow : Progress, 1991. 396 p. (In Russian).
2. Gololobov E. I. The Siberian North and the Dynamics of an Image: from Barren Grounds to a Northern Plain // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5. No. 1. P. 137–152. (In Russian).
3. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii / In-t mark-sizma – leninizma pri TsK KPSS. Moscow : Gospolitizdat. 1963. Vol. 43. 561 p. (In Russian).
4. Josephson P., Dronin N., Mnatsakanian R. et al. An Environmental History of Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. 340 p.
5. Bruno A. The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 288 p.
6. Petrov Andrey N. Re-Tracing Development Paths: Exploring the Origins and Nature of the 20th Century's Northern Development Paradigms in Russia and Canada / Arctic Yearbook. 2018. P. 1–14.
7. Bathsheba Demuth B. Floating Coast: An Environmental History of the Bering Strait. New York : Norton, 2019. 416 p.

8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 46–48.
9. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 814. Оп. 1.
10. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-124. Оп. 1.
11. Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 1. Оп. 1.
12. Архивный отдел управления документационного и информационного обеспечения администрации г. Сургута (СГА). Ф. Р-1. Оп. 1.
13. Sorlin S., Warde P. Nature's End. History and the Environment. London : Palgrave Macmillan, 2009. 368 p.
14. Бутурлин С. А. Что такое «Север», кто там живет и будущее мировое значение его / Советский Север. М., 1929. Вып. I. С. 5–66.
15. Орлов Б. П. Сибирь: шаги индустрии. М. : Сов. Россия, 1988. 252 с.
16. Развитие производительных сил Севера СССР. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 228 с.
17. Трофимук А. А. Нефтегазоносность Севера Сибири и ее значение для развития народного хозяйства СССР / Проблемы Севера. М., 1971. Вып. 15. Актуальные вопросы экономики Севера. С. 38–43.
18. Яновский В. В. Человек и Север. Магадан, Кн. изд., 1969. 158 с.
19. Валева Э. И., Московченко Д. В. Роль водно-болотных угодий в устойчивом развитии севера Западной Сибири. Тюмень : ИПОС СО РАН, 2001. 227 с.
20. Гололобов Е. И. Антропогенное воздействие человека на природу и ее охрана на Севере Западной Сибири в 1960–1980-е гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2019. № 61. С. 12–20.
21. Красовитова Э. С. Экологическая деградация урбанизированных территорий Севера Западной Сибири в 1960–1970-е гг. // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2018. № 6 (57). С. 106–114.
22. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1110.
23. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 306.
24. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 789.
25. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 6115.
26. ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 5936.
27. СГА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 448.
28. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 5264.
29. Народы Советского Севера. М. : Наука, 1991. 264 с.
8. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. A-259. Op. 46–48. (In Russian).
9. Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti (GATO). F. 814. Op. 1. (In Russian).
10. Gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii Tyumenskoi oblasti (GASPITO). F. P-124. Op. 1. (In Russian).
11. Gosudarstvennyi arkhiv Yugry (GAYu). F. 1. Op. 1. (In Russian).
12. Arkhivnyi otдел upravleniia dokumentatsionnogo i informatsionnogo obespecheniia administratsii g. Surguta (SGA). F. R-1. Op. 1. (In Russian).
13. Sorlin S., Warde P. Nature's End. History and the Environment. London : Palgrave Macmillan, 2009. 368 p.
14. Buturlin S. A. Chto takoe «Sever», kto tam zhivet i budushchee mirovye znachenie ego / Sovetskii Sever. Moscow, 1929. Iss. I. P. 5–66. (In Russian).
15. Orlov B. P. Sibir: shagi industrii. Moscow : Sovetskaiia Rossiia, 1988. 252 p. (In Russian).
16. Razvitie proizvoditelnykh sil Severa SSSR. Novosibirsk : Nauka. Siberian Department, 1991. 228 p. (In Russian).
17. Trofimuk A. A. Neftegazonosnost Severa Sibiri i ee znachenie dlia razvitiia narodnogo khoziaistva SSSR / Problemy Severa. Moscow, 1971. Iss. 15. Aktualnye voprosy ekonomiki Severa. P. 38–43. (In Russian).
18. Yanovskii V. V. Chelovek i Sever. Magadan, Knizhnoe izdatelstvo. 1969. 158 p. (In Russian).
19. Valeeva E. I., Moskovchenko D. V. Role of Wetlands in Sustainable Development of West Siberian North. Tyumen : Publishing house IPOS SO RAN, 2001. 227 p. (In Russian).
20. Gololobov E. I. Human Anthropogenic Impact on the Nature and Its Protection on the North of Western Siberia in the 1960–1980s // Tomsk State University Journal of History. 2019. No. 61. P. 12–20. (In Russian).
21. Krasovitova E. S. Environmental Degradation of Urbanized Areas of the North of Western Siberia in the 1960–1970s // Surgut State Pedagogical University Bulletin. 2018. No. 6 (57). P. 106–114. (In Russian).
22. GAYu. F. 1. Op. 1. D. 1110. (In Russian).
23. GARF. F. A-259. Op. 48. D. 306. (In Russian).
24. GARF. F. A-259. Op. 48. D. 789. (In Russian).
25. GARF. F. A-259. Op. 48. D. 6115. (In Russian).
26. GARF. F. A-259. Op. 48. D. 5936. (In Russian).
27. SGA. F. R-1. Op. 1. D. 448. (In Russian).
28. GATO. F. R-814. Op. 1. D. 5264. (In Russian).
29. Narody Sovetskogo Severa. Moscow : Nauka, 1991. 264 p. (In Russian).

Информация об авторе

Е. И. Гололобов – доктор исторических наук, профессор; заведующий лабораторией исторических исследований, главный научный сотрудник.

Information about the author

Evgeny I. Gololobov – Doctor of Sciences (History), Professor; Head of the Historical Research Laboratory, Chief Researcher.